

8 Мюсъ-джами.

(Мускусовая мечеть).

Посѣтив впервые Старый Крымъ или древній Солхатъ, нѣкогда ведущій всемирную торговлю, я подъ вліяніемъ только что прочитанаго о его предполагаемомъ величіи и богатствѣ въ давно минувшія времена, поспѣшилъ взглянуть на развалины мечети, издающей будто мускусовый запахъ послѣ дождя. О мечети этой, въ мое время, всѣ вѣрили свѣденіямъ, сообщеннымъ академикомъ Кеппенемъ, Богъ вѣсть откуда почерпнувшемъ разсказъ о постройкѣ ея египетскимъ султаномъ Бирбасомъ, но я очень хорошо зналъ, по недавно открытой надписи, хранящейся въ Одесскомъ обществѣ Исторіи и древностей, что лучшая старокрымская мечеть построена была въ царствованіе кипчакскаго хана Мухамета (въ 1314 г.) какимъ-то смиреннымъ рабомъ, нуждающимся въ милосердіи Божіемъ Абдуль-гази Юсуфомъ сыномъ Ибрагима Езбазли. При такихъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ мнѣ не трудно было отыскать у мѣстныхъ обитателей какоенибудь хоть баснословное преданіе. Въ этой надеждѣ я приблизился къ указаннымъ мнѣ развалинамъ и конечно не нашелъ, чтобы они издавали какихъ либо араматовъ мускуса, о чёмъ говорилось чуть-ли не всѣми туземцами татарского происхожденія.

Признаюсь также, что по всѣмъ слѣдамъ въ окружности нельзя было составить особенного понятія о величіи этого молитвенного дома, будто-бы сложеннаго изъ мрамора, порфира и сияющаго золотомъ.

Въ то время, когда я сидѣлъ въ раздумья, ко мнѣ подошелъ одинъ старый татаринъ, котораго я принялъ по наряду за пастуха.

— Не проходилъ-ли мимо тебя шматокъ овецъ подъ присмотромъ мальчика въ бѣлой шапкѣ? спросилъ онъ.

— Прошелъ въ ту сторону—отвѣчалъ я, показавъ направление.

— Значитъ послушалъ меня. Дрянной мальчишка, вотъ ужъ цѣлую недѣлю я требую, чтобы онъ пасъ овецъ на этой сторонѣ, а онъ все подбирается къ чужимъ пашнямъ. Сейчасъ видно, что будетъ воромъ, когда подростетъ! Ужъ сколько разъ я билъ его, а онъ все свое дѣлаетъ.

Сегодня-же я обѣщалъ исковеркать ему всю наружность, если онъ не послушаетъ меня, но къ счастію его этого не случится. Говоря это, татаринъ сѣлъ около меня и началъ набивать трубку.

Отъ нечего дѣлать мы разговорились. Пастухъ оказался уроженцемъ сосѣдней деревни Учъ-кую, служившимъ болѣе 30 лѣтъ у какого-то армянина, который, по мнѣнію его, былъ самой образцовой честности человѣкъ.

— Въ такомъ случаѣ ты знакомъ съ каждымъ камнемъ въ Старо-крымской окрестности? спросилъ я.

— Еще-бы не знать тѣхъ мѣстъ, гдѣ съ дѣтскаго возраста ежедневно ходилъ.

— Говорятъ, что здѣсь на каждую развалину существуетъ сказка?

— Можетъ быть, но мнѣ теперь не до сказокъ. На все есть свое время. Сказки я правда любилъ въ молодости, но теперь не нахожу въ нихъ пользы. Въ теперешніе годы надо думать о смерти.

— Но ты еще не такъ старъ.

— Коль скоро запустилъ бороду, то вѣрно старъ.

Послѣ минутнаго молчанія я навелъ разговоръ на развалины мечети.

— Грѣшно, очень грѣшно здѣшнимъ христіанамъ, что они разобрали всѣ каменя отъ этого святаго дома. Съ тѣхъ поръ и имъ нѣть счастія.

— Видно святой человѣкъ сооружалъ этотъ храмъ? спросилъ я, прикидываясь незнаніемъ.

— Конечно ужъ не такой, какъ мы съ тобою. Въ прежнія времена жили на землѣ настоящіе Божіи люди, вслѣдствіе чего и пользовались непонятными для насъ благами и милостями. Эхъ, отчего мы не родились въ ихъ времія?

Не малаго труда мнѣ стоило заставить моего собесѣдника по-разказать все слышанное имъ когда либо о Мюсъ-джами и строителѣ ея.

Изъ всего, выслушаннаго мною, я могъ составить слѣдующаго рода легендарный разсказъ:

„Было время, когда Эски-Крымъ такъ былъ великъ и замѣчательенъ своими мудрыми учителями и управителями, что всѣ государства направляли къ нему обширные караваны съ предметами роскоши и оставляли въ немъ сыновей своихъ для усовершенствованія въ познаніяхъ закона Божія. Всѣ эти караваны шли по долинѣ, сохранившей до настоящаго времени свое первобытное название Индолъ *) и располагались въ каравансараахъ, куда заблаговременно стѣжались покупщики съ противоположныхъ странъ съ золотомъ и другими произведеніями, идущими въ обмѣнъ. Естественно, что при такомъ движениі народовъ и торговыхъ оборотовъ, каждый владѣтель простой даже избушки имѣлъ возможность обогатиться въ этомъ городѣ. И дѣйствительно всѣ обогатились, но въ тоже время сдѣлались такими скучными и негостепріимными, что начали удивлять посѣтителей. Пока они набивали сундуки золотомъ и закапывали ихъ подъ спудами своихъ жилищъ, у нихъ начала приходить въ ветхость единственная большая мечеть и никто не думалъ жертвовать ни гроша на крайне необходимую перестройку.

Такое оскорбительное отношеніе къ святынѣ людей, обладающихъ огромными запасными капиталами, возмутило одного на-

*) Инд-ель въ перевѣдѣ съ татарскаго означаетъ: дорога на Индію.

божнаго носильщика тяжестей, который съ трудомъ прокармливалъ поденными работами свое многочисленное семейство, и вотъ онъ въ одну изъ пятницъ, когда масса богачей творила молитву на открытомъ воздухѣ изъ боязни, чтобы Аллахъ не обрушилъ на ихъ головы притнувшійся потолокъ мечети, выступилъ впредь и, поднявъ руки къ небу, сказалъ:

— О люди, недостойные носить имени мусульманъ! неужели ваши глаза не видятъ, что Божья мечеть согнулась отъ дряхлости лѣтъ и требуетъ отъ поклонниковъ корана постройки новаго зданія во имя Божіе?

— А ты кто такой, что осмѣливаешься дѣлать намъ подобные вопросы? отвѣчали ему первостепенные богачи, поднявъ свои пальки.

— Я такой-же мусульманинъ, какъ и вы.

— И ты смѣешь ничтожный носильщикъ тяжестей равнять себя съ нами, управляющими городомъ? Да тебя за эту дерзость надо бросить въ проходъ ада на Аргамышъ *).

— А я вамъ скажу, что не меня, а васъ броситъ туда нашъ великій пророкъ, если только вы не опомнитесь отъ вашихъ заблужденій.

— Негодяй, недостойный слышать нашего слова! было послѣднимъ отвѣтомъ гордыхъ богачей.

Бѣднякъ, оскорбленный этими словами, упалъ на колѣни и, поднявъ глаза къ небу, вскрикнулъ:

— О Боже, создавшій міръ, сдѣлай меня ничтожнаго поденщика такимъ богачемъ, какъ одинъ изъ этихъ враговъ, только для того, чтобы я, въ посрамленіе имъ, создалъ во славу твою, такую мечеть, какой не существовало и не существуетъ въ мірѣ! И онъ началъ бить себя въ грудь, плакать и горячо молиться. Видя это, богачи съ насмѣшками разошлись.

— По окончаніи молитвы носильщикъ отправился на свое обыкновенное мѣсто въ ожиданіи работы. Какъ вдругъ подходитъ къ нему одинъ изъ индійскихъ купцовъ и, положивъ руку на плечо, спрашивается не пожелаетъ-ли онъ наняться къ нему.

— Я охотно послѣдовалъ-бы за тобою и служилъ-бы вѣрнѣе собаки, но къ сожалѣнію у меня большая семья, которая корчится моими поденными заработками.

— А сколько червонцевъ ты зарабатываешь въ годъ?

— Отъ 30 до 50-ти отвѣчалъ бѣднякъ.

— Я буду платить тебѣ ежегодно впередъ сто червонцевъ, если ты пристанешь ко мнѣ. Видишъ-ли мнѣ нуженъ такой сплачъ какъ ты и я давно прискиваю подобнаго. Сведи-же меня въ свой домъ и я оставлю деньги женѣ твоей и заявлю ей, что ты ежегодно будешь навѣщать ее съ моимъ караваномъ.

Носильщикъ тяжестей, неожидавшій такого счастливаго слу-

*) Невдалі отъ Старого Крыма на горѣ Аргамышъ есть отверстіе, которое и теперь считается туземцами отдушникомъ ада.

чая, запрыгалъ отъ радости и, поцѣловавъ нѣсколько разъ въ плечо щедраго купца, привѣтъ его въ землянку свою. Индѣецъ кромѣ 100 червонцевъ подарилъ семейству его нѣсколько штукъ дорогихъ матерій и купилъ по сосѣдству домикъ, въ который заставилъ ихъ переселится съ тѣмъ, чтобы принимали и его на квартиру при ежегодномъ приходѣ съ караваномъ. Послѣ чего онъ узналъ имя нанятаго слуги, сказалъ:

— Ну, Юсуфъ проведи и сегодняшнюю ночь въ семьѣ твоей, а завтра съ разсвѣтомъ мы выѣдемъ. Затѣмъ, пожелавъ всѣмъ здоровья, ушелъ.

На слѣдующій день бѣднаго носильщика уже не было въ Старомъ Крыму. Въ какихъ онъ странахъ скитался и въ чёмъ состояли его обязанности—никто не зналъ. Но прошелъ годъ и вмѣсто носильщика тяжестей предъ эски-крымскими богачами явился Юсуфъ члѣбѣ владѣлецъ каравана, на приобрѣтеніе котораго потребовалось чуть-ли не все состояніе первыхъ богачей его роднаго города. Пробывъ въ семьѣ своей нѣсколько дней, онъ по обыкновенію въ первую-же пятницу явился къ дверямъ мечети и послѣ установлена молитвы, снова обратился къ стоящимъ впереди всѣхъ богачамъ съ слѣдующими словами:

— О люди недостойные именоваться правовѣрными! я вторично обращаюсь къ вамъ отъ имени нашего всемилостивѣшаго пророка, но на этотъ разъ не въ качествѣ ничтожнаго поденщика, а купца обладающаго состояніемъ, равняющимся состоянію двухъ или трехъ самыхъ богатѣйшихъ изъ васъ. Не пожелаете ли вы при участіи моемъ воздвигнуть новую мечеть: я дамъ на это дѣло третью часть моего состоянія, вы же принесете только десятую долю.

На этотъ разъ алчные люди, не отвѣтивъ ничего, разбѣжались, какъ ящерицы по норкамъ своимъ, и Юсуфъ остался въ толпѣ такихъ же бѣдняковъ, какимъ былъ недавно и самъ.

— Не будетъ имъ добра—сказалъ онъ—Аллахъ отберетъ отъ нихъ все, что имъ далъ и я надѣюсь увидѣть ихъ нищими. Но вы бѣдняки не роющите на свою печальную участь, потому что я обѣщаю воздвигнуть вамъ чудесную мечеть и если Богу угодно будетъ принять отъ меня эту жертву, то я года чрезъ два успѣю приобрѣсти такое состояніе, какое мнѣ необходимо будетъ для приступленія къ дѣлу.

Послѣ чего подаривъ каждому по червонцу, онъ возвратился домой и приступилъ къ распродажѣ своихъ товаровъ. Получивъ вдвое противъ ожиданія Юсуфъ договорилъ поставщикамъ камня на такой величины мечеть, какая существуетъ въ святой Меккѣ.

— Сложите ихъ и приступите къ полировкѣ. Слѣдующее вами вознагражденіе я оставлю женѣ моей, а когда самъ пріѣду, то поручу всю постройку лучшему изъ мѣстныхъ строителей; если же таковыхъ здѣсь не окажется, то мнѣ не трудно будетъ привезти съ собою изъ Индіи или Персіи.

Мѣсяцъ спустя Юсуфъ опять уѣхалъ и по прежнему о немъ

никто не имѣлъ свѣдѣнія до того времени, пока онъ самъ не явился съ 400 навьюченныхъ верблюдовъ. Такого каравана никогда не видѣли въ Солхатѣ. Всѣ бѣдные люди выбѣжали на встречу къ добруму согражданину и привѣтствовали его, какъ властелина Крыма.

На этотъ разъ Юсуфъ роздалъ бѣднымъ по два червонца и продавалъ свои товары въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, такъ что всѣ прибывшіе въ Эски-Крымъ купцы исключительно ему одному отдали и свое золото и произведения своихъ странъ.

Покончивъ дѣла свои, Юсуфъ снова явился въ полуобрушившуюся мечеть и, снова разогнавъ богачей приглашеніемъ участвовать въ расходѣ для постройки храма Божія, въ заключеніе сбросилъ съ себя маску притворства и торжественно заявилъ старшинамъ, что поклялся предъ Всемогущимъ воздвигнуть во славу его такую мечеть, ароматъ отъ которой будетъ восходить до небеснаго престола, а кровля сіять подобно солнцу.

— Ты станешь выше всѣхъ гази! (праведникъ) отвѣчали ему старшины,

— Ты будешь именоваться Абдулъ гази! (т. е. отцомъ всѣхъ праведныхъ) отвѣчали бѣдняки.

Этого было достаточно Юсуфу, который привезъ съ собою изъ далекихъ странъ какого-то богообразливаго архитектора.

Въ первую-же недѣлю отъ ветхой мечети не осталось ни единаго камня и весь фундаментъ новой сложенъ былъ на цементѣ, замѣшанномъ на мускусѣ. Не довольствуясь и этимъ, Юсуфъ послалъ нарочныхъ въ Египетъ и другія страны за мраморными плитами и колонами, чтобы убрать ими внутренность Божіяго дома, а самъ вновь поѣхалъ въ третью путешествіе съ тѣмъ, чтобы послѣ него дожить свой вѣкъ въ непрестанной молитвѣ въ родномъ городѣ.

На этотъ разъ благочестивый мусульманинъ возвратился съ 1000 нагруженными верблюдами, такъ что никакие ученые не могли вычислить стоимости привезенныхъ имъ товаровъ и драгоцѣнностей.

— Будь нашимъ ханомъ, будь нашимъ повелителемъ! кричали народъ, увидя его въ дорогихъ одеждахъ.

— Нѣть, братья мои, я никогда не забуду, что былъ вашимъ поденщикомъ и никогда не захочу господствовать надъ старшинами по лѣтамъ друзьями. Если я сдѣлаюсь повелителемъ вашимъ, тогда между нами образуется пропасть, черезъ которую не легко будетъ пройти бѣдному человѣку. Въ теперешнемъ-же моемъ свободномъ состояніи вы найдете во мнѣ帮忙 пріятеля, который будетъ знать ваши нужды и по мѣрѣ возможности стать вами помогать.

— Будь-же нашимъ отцемъ и защитникомъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Два года спустя была вполнѣ закончена эта мечеть — сказали настухъ. Такого молитвенного дома дѣйствительно не существовало на всей землѣ. Минареты ея касались вершинами до облаковъ, а кровля затмевала блескъ солнечныхъ лучей. Вся вну-

тренность выложена была дорогими бѣлыми, какъ снѣгъ, плитами, но всего восхитительнѣе былъ прелестный запахъ отъ мускуса, разносимый вѣтромъ на далекое пространство.

Послѣ первой народной молитвы въ этомъ сultanskotъ храмѣ Юсуфъ, угощая народъ мясомъ отъ принесенныхъ имъ Богу въ жертву животныхъ, рѣшился объяснить имъ какимъ образомъ онъ приобрѣлъ такое громадное состояніе въ непродолжительное время.

— Состояніе мое мнѣ обѣщано было нашимъ пророкомъ — говорилъ онъ — въ то время, когда я, укоряя богачей ванцихъ въ жадности къ деньгамъ, дерзнулъ поднять руки къ небу и отъ чистаго сердца сказать: „О Боже, дозволь мнѣ ничтожному рабу твоему посрѣднику во славу твою этихъ враговъ твоего закона!“ Въ тотъ-же день я былъ нанятъ однимъ богатымъ купцомъ въ Индію, которому въ продолженіи 7 мѣсяцевъ, предоставилъ такія громадныя выгоды отъ найденнымъ мною алмазовъ, что онъ подарилъ мнѣ десятую долю изъ приобрѣтенаго и предложилъ сажему заняться караванною торговлею. Остальное приобрѣтено было лично моими промѣнами. Вотъ какъ поступаютъ, братья мои, Богъ и пророкъ написъ съ тѣми, которые съумѣютъ вызвать ихъ благоволеніе и въ точности исполнить обѣщаніе свое. “Есть преданіе, что этотъ добродѣтельный человѣкъ дожилъ до глубочайшей старости, никогда не отказавъ ни одному бѣдняку въ пособіи, когда онъ просилъ во имя Божія; но тѣмъ, которые заискивали въ личное одолженіе или просили денегъ взаймы, онъ отвѣчалъ, что не вправѣ распорижаться деньгами, не принадлежавшими ему.

— Что-же стало потомъ съ этой мечетью? спросилъ я.

— Думаютъ, что она пострадала отъ землетрясенія, посланаго Богомъ въ наказаніе развратившимся жителямъ Эски-Крыма. Вотъ какія бывали прежде люди и постройки — добавилъ настухъ, выбивая трубку свою — не то что мы съ тобою. Прощай, на случай, если сынъ мой задумаетъ проходить мимо тебя, скажи ему, что я кожу сниму съ него, если онъ ослушается моего приказанія.

Татаринъ кивнулъ мнѣ головою и направился въ деревню.

❷ Затопленный городъ.

Тамъ гдѣ въ наше время переливается сребристыми валунами обширная красавица Крымскихъ бухтъ, Феодосійская, — въ давно минувшія времена красовался величественный городъ, въ который могли проникать только птицы небесныя. Окруженный высочайшими стѣнами и болѣе высокими башнями, онъ примыкалъ прямо къ морю, пресѣченому плотинами и съ этой только стороны жители могли сообщаться съ отдаленными странами.

Что это былъ за народъ, откуда прибылъ и почему здѣсь именно поселился? никому не было вѣдомо. Любознательные туземцы не разъ бывало приближались къ этимъ стѣнамъ, прикладывали ухо къ землѣ, чтобы узпать на какомъ нарѣчию говорятъ ихъ случайные сосѣди, но напрасны были ихъ труды: изъ города не